

Позавчера город простился

СВЕТ-РЕКА

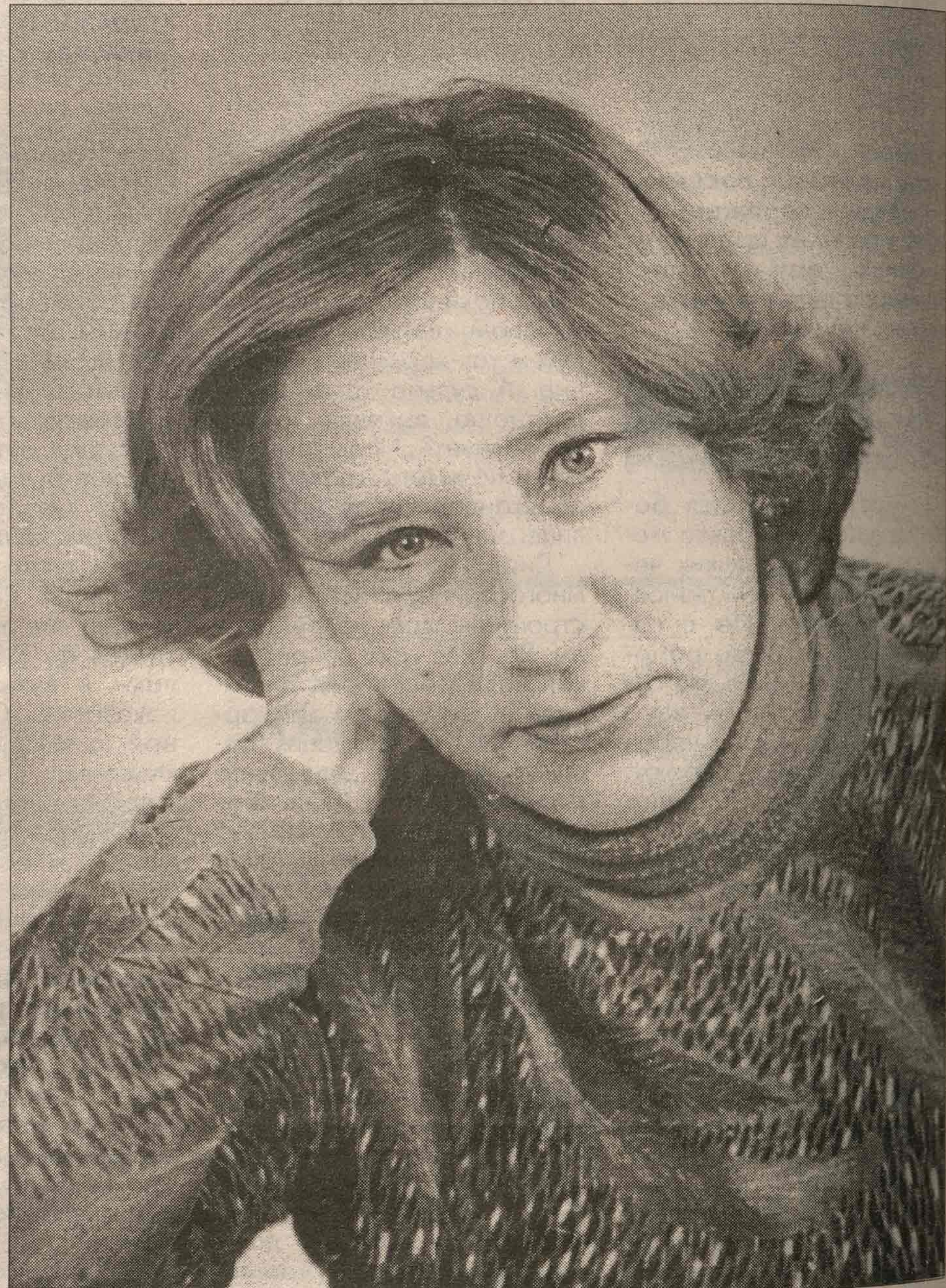
Светланы Борзуновой

Она ушла в первый день зимы. Позади остался горький от лекарств и боли ноябрь и вся ее короткая, но такая светлая жизнь. Пятьдесят пять - чудовищно мало для того, чтобы умирать. Несправедливо мало. Чем ближе и дороже тебе человек, тем несправедливее и больнее. А Светлана была (по крайней мере, так ощущалось) близка очень многим. Ниточками, связывающими ее с огромным количеством людей, зачастую даже незнакомых, стали стихи. Простые и пронзительные. С ее особенными словечками и мягкой самоиронией, целомудренные и откровенные до дрожи в коленках. Прожитые самим автором до последней запятой, до мельчайшего нюанса настроения.

Когда две недели назад мы опубликовали подборку стихов Светланы Борзуновой из ее последней, не ставшей еще книжкой рукописи, в редакцию позвонило больше десятка человек с одним-единственным вопросом: «Где эти стихи можно купить? Ах, нельзя... Ну тогда какие-нибудь другие - главное, чтобы ее...» Настоящая поэзия тем и отличается от коммерческих проектов и графомании, что переживает своих авторов. В детстве сибирская девочка Света искренне считала: «Поэты все умерли, живых просто быть не может». Почему-то эта детская мысль вспоминается сегодня. «Все поэты умерли...» Оказавшись в Благовещенске по воле случая - Светлану двадцать лет назад привез на свою родину муж, писатель Николай Курочкин, - она стала для нашего города той ценностью, тем даром судьбы, той волшебной жар-птицей, которой будет гордиться еще не одно поколение амурчан. Страшно подумать, что она могла жить в каком-то другом городе, и там, а не здесь вышли бы ее книги «Яблоки райского сада», «Ты - моя судьба», «Пока еще люблю», и мы никогда не узнали бы ее стихов. Хотя внешне - какая жар-птица? Скромнейший человек, Светлана редко думала о себе. Работала (сначала в «Амурском комсомольце», а затем в «Амурской правде» и «КП» в Приамурье), растила сыновей. Жила тихо, не напоказ. И всегда к ней как магнитом притягивало людей. К не слишком тщательно причесанной женщине в смешных ботах приходили советовать, что делать, если обидел муж или не понимает дочь. Ей несли свои первые «косолапые» вирши о безраздельной и мучительной любви. У нее

стреляли сигаретку, когда рассказать про все это просто не было сил - их оставалось ровно настолько, чтобы просто посидеть и покурить рядом. А потом она говорила какой-нибудь пустяк, всего несколько слов - и все становилось на место. Жизнь, готовая вот-вот рухнуть, продолжалась. То же и со стихами. Лирика по определению минорна, но борзуновские мудрые строчки заставляли поверить в себя, дарили надежду.

Потрясающий факт: все амурские книги Светланы Борзуновой вышли в свет без традиционного обивания автором высоких начальственных порогов. Всегда находились люди, которые хотели САМИ ее издать. Считали за честь. Спасибо им огромное за вкус и дальновидность, за широту души. Настоящие поэты не умеют «пропихивать» свои творения, им, как детям, надо в этом помогать. В конце концов, это единственное, что мы можем для них сделать. Потому что однажды наступает такой печальный зимний (или какой-то другой) день, когда никого уже нельзя догнать и ничего уже нельзя исправить. Можно только любить и помнить. И снова, и снова перечитывать удивительные, прекрасные строчки.

Ну вот и уладилось. И улеглось. Мы оба уже ни о чем не жалеем. Не боль, не обида, не зависть, не злость, Блаженной тропой идем к юбилеям. Уже перемучились, перемоглись. Достигли желанных пределов карьеры. И чудо, еще продолжается жизнь, И к нам милосердна без счета, без меры. И выросли дети. И внуки растут. И груши созрели в твоём огороде. И наши надежды как прежде цветут. Любовь никогда не проходит в природе.

**А увидишь, душа пуста,
Жизнь сначала начни, с листа -
Хочешь со старого.
Хочешь с нового,
предпочтительнее кленового.**

**Некому поплакаться в плечо -
Я сама - защита и опора.
Только всхлипну, два ребячьих взора
Вспыхнут беспокойно, горячо.
Мама плачет! Значит, рухнул мир,
Мама плачет! Разве мамы плачут?
И притихнут: не шалят, не скачут.
И несут игрушки мне: возьми.
Посмотрю - и посветлеет взгляд:
Маленькие, вырастут не скоро,
Сыновья - надежда и опора,
От любой обиды защитят.**

Но отболела любовь. Та боль в черную полночь ушла, сутулась. Канула память о нас с тобой среди исхоженных вместе улиц. Больше не страшно открыть блокнот, где оставляло пометки счастье,

больше не мучает и не рвет прошлое сердце мое на части. Все отболело. И в сердце нет больше обид на твою измену. Все. Даже свадебный наш портрет можно повесить опять на стену.

**Ничего мне здесь не достанется,
только фантики на полу.
Нищей Золушкой-бесприданницей
я стою на чужом балу.
Гром оркестра, наряды яркие.
Бал окончен почти. Разъезд.
Принцы статные с иномарками
разбирают своих невест.
А часы беспощадно тикают.
Мне полночный их звон знаком.
Тыква старая стала тыквою.
Мне до дому идти пешком.**

со своей любимой поэтессой...

Счастья не будет.
Но солнце и звезды надолго.
Травам и листьям
до осени хватит тепла.
В горсть соберу
недожитой жизни осколки.
Чем я жила?
Для чего я так больно жила?

Ты не поймешь.
Даже если поймешь, не поверишь
в тягу огня
оторваться от прочной земли,
в право души
не предаться единственной вере,
в истинность слов,
что вели меня и завели.

Славный тупик.
Значит, так умирают надежды?
Помню, без них
я сама умирала вчера.
Зло подступает
и слева и справа, но между
тьмы непроглядной
проклюнулся лучик добра.

Видишь, не зря
я о камни сбивала колени,
ноги срывая,
упрямо карабкалась ввысь.
От иступленья
мучительно шла к искупленью.
Счастья не будет.
Но бьется и теплится жизнь.

Уже удивляюсь,
что верная есть любовь.
Уже удивляюсь,
что друг не предал друзей.
По жизни иду,
унижая чужую кровь.
В свою же жизнь
вхожу, как в пустой музей.
А там по полкам -
надежда, любовь, мечта.
Под слоем пыли -
порядочность, верность, честь.
Иссякли силы.
И вроде душа пуста.
Но все же жива.
Значит, правда
на свете есть.

Опустишь, кленовый лист,
на ладошку - пятипалый!
Здравствуй, я тебя искала.
Повстречались. Дождались.
Хочешь, руку мне пожми.
Мы с тобой родня от века.
Хочешь, станешь человеком,
будем взрослыми людьми.
Видишь, осень на дворе.
Мы с тобой будем двое.
Я в тепле тебя укурю,
в чистом новом букваре.
Навсегда отныне впредь
будут жить твои узоры
рядом с девочкой, которой
никогда не постареть.

А судьба свой сюжет завертит
так, что к ней не найдешь ключи.
Потому что любовь от смерти
в самом деле не отличишь.

Каждому ноша, которую сможет поднять.
Не жалуйся, если мало досталось.
И если много. Но давит меня,
к самой земле пригибает усталость.

И вот уже не хватает сил
нести тот груз, что взяла вначале,
но стыдно помощи попросить,
и я, кряхтя, ковыляю дале.

Ах, тяжесть женщине не к лицу.
Она ж цветок, былинка в поле.
А я на суде предъявлю творцу
свои растресканные мозоли.

И скажет творец, поправив венец,
что он, творец, ни при чем нимало -
сама я выбрала образец
и ношу сама себе выбирала,

что он уделил мне чуток огня,
что он отворил предо мною дали,
и если по правде - то от меня
гораздо большего ожидали.

Ветер пыль на перекрестке взметает,
капли частые в окошко стучатся.
Я не знала, как тебя не хватает,
как тебя мне не хватает для счастья.
Но стряслось, случилось, грянуло градом,
понесло и закружило на месте,
оказалось важным знать, что мы рядом,
оказалось важным знать, что мы вместе.
И слова твои волшебные слушать,
знать до доньшка всю жизнь твою прежде,
целиком тебя принять в свою душу.
И любить тебя. И верить надежде.
Хорошо, что в мире мечется ветер,
тучи мечутся, и дождь поливает.
Хорошо, что существует на свете
человек, который все понимает.

Как случилось, что ты опоздал
в город вешнего птичьего звона
и моя золотая звезда
закатилась за край небосклона?
Как ты будешь один без меня
в скучном мире корысти и тягеб?
Ни звезды, ни луны, ни огня,
ни свечи не засветится даже.
Под язвительным посвистом бед
побредешь от печали к невзгоде.
Я б вернулась на помощь к тебе,
но оттуда назад не приходят.

Пощади меня, Господи, я не верю
ни в святых, ни в ангелов ясныхкрылых.
Пальцев рук не хватит, чтоб счесть потери,
мною утрачено то, что всегда любила.
Облетают листья с твоих кленов - мимо,
опадает капли из туч - напрасно.
И плывет над землей темно-сизым дымом
то, что прежде щемило в груди прекрасно.
И болит, болит, распадаясь в пепел,
То, что Ты для нас создавал с любовью.
И гудит, гудит ковылем вдоль степи,
и саднит, саднит - по закату кровью...

В две тысячи семьдесят пятом,
а может, и позже, году
к тебе, мой потомок крылатый,
я облаком синим зайду.
И к небу взовьется знакомо
смятенье воды и огня.
Мой дальний счастливый потомок,
три свечи поставь за меня.

Мальчик - почти что ровесник сына -
молод, изящен и так хорош...
Жгучей блондинке невыносимо
видеть, как мы с ним танцуем. Что ж,
есть еще нечто, помимо тела -
близость душевная, теплота
и бескорыстие. В этом дело.
И потому мы танцуем в такт.

А бороться будем до конца.
Плача, зубы закусив до скрипа.
На могилах наших - на рубцах -
расцветет божественная липа.
И слетятся пчелы за взятком.
Листья в форме сердца после сгинут.
Страстью нашей - медом с молоком, -
может, кто-то вылечит ангину.

Завтра проснусь и начну все заново.
Вдруг окажется: ходить умею.
Если так, остальное планово -
руки крест-накрест, камень на шею.
Очень просто: буль-буль и в форточку.
Пятый этаж, приземленье, финиш.
Встану с земли, отряхнусь на корточках.
Ты ведь меня и такую примешь?

Ни тепла, ни любви, ни истины -
как и не было на веку.
Лишь сентябрь багряными листьями
чуть подкрашивает тоску.
Чуть струится по жилам осени
лета бабьего влажный сок.
И друг к другу уже не бросит нас
зов зимы - поцелуй в висок.

Обними меня, согрей,
исцели больную душу.
Я была других храбреей,
отчего сегодня трушу?
Чтоб дары твои принять
не хватает нынче силы.
Я из этого огня
еле ноги уносила.
Я бесстрашно шла, любя,
к бездне, в сумерках незримой.
...Я боюсь не за себя,
за тебя боюсь, любимый.

По ночам золотые искры
осыпались с лампы настольной.
Приходили черные кошки
и царапали очень больно.
И любовь расплывалась дымом,
и судьба расплывалась кровью,
и мечта проплывала мимо,
и стояла смерть наготове.
В этом призрачном зыбком свете,
в этом холоде беспощадном
тосковала душа о лете,
о тепле его, знойном, жадном.
Распадалась душа на части.
И метель за окошком пела.
... Кот был чистым, ангорской масти,
и бесстыдно, бесстыдно белым.

Самое главное в мире - сентябрь.
Таинство листьев, до срока опавших.
Шепот дождей, ни на что намекавших,
луж твоих чистых бегущая рябь.
Самое главное в мире - апрель.
Почек созревших божественный запах,
поступь весны на пружинистых лапах,

пестрых и жадных лучей канитель.
Самое главное в мире - конец.
Самое главное в мире - начало.
А в середине я вечно скучала.
Крайности, крайности - смысл для сердец.

Как в сказке: жила-была.
И прожита треть души.
А как у тебя дела?
Пожалуйста, напиши
Лучами на облаках,
Проливом на берегу.
Как ты там, в иных веках,
Я выдумать не могу.
Какою тропой идешь?
С кем греешься у огня?
Не верю я в эту ложь,
Что ты позабыл меня.

Говорят, что к смерти привыкают,
Вечности доверься, а пока
Свет-река по жизни протекает,
и в реке танцуют облака.
Если жизнь - иллюзия и майя,
почему так горестно щемит
порожденье смертного ума и
смертной человеческой любви?

Душа восходила, как к небу ростки.
И с детства любили меня старики.
Не сверстники - старцы, старушки.
Но чем я могла за любовь отплатить?
Сама я лишь только готовилась жить
у жизни суровой на мушке.
Могла - помогала.
Порой не могла.
Случалось, что под руку слабых вела
к земному последнему краю.
Душа отгорит и растает как дым.
Зачем стариков так влечет к молодым?
Старухой стану - узнаю.

А когда умирать начала,
оказалось, что все меня любят.
Подарили мне вдоволь тепла
травы, птицы, деревья и люди.
Наши горести - рябь на воде,
а под ними надежда и жалость.
Никого не бросают в беде.
Почему я не знала сначала?

Ну о чем говорить?
Все равно наша осень
не выживет.
Костровица остынут,
и саваном лягут снега.
Но морозы ударят,
и девочка
выбежит с лыжами,
чтоб по нашим тропинкам
своими путями шагать.

